

Сергей Жоголь

ПОСЛАННИК ЗОЛОТИСТОГО ШМЕЛЯ

повесть

Сергей Жоголь

**Посланник Золотистого
шмеля. повесть**

«Издательские решения»

Жоголь С.

Посланник Золотистого шмеля. повесть / С. Жоголь —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901760-4

В отношении контрабандного промысла командир отряда должен знать: в каких пунктах и у кого именно на заграничной стороне, особенно вблизи границы, находятся склады контрабандных товаров, постоянные или временные; какой товар лежит на складах, в каком количестве; кому этот товар принадлежит; из каких наших селений приходят за этим товаром; кто руководит проносом... Повесть является призёром литературного конкурса «О таможене с любовью».

ISBN 978-5-44-901760-4

© Жоголь С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Посланник Золотистого шмеля повесть

Сергей Жоголь

Иллюстратор Альфред Веруш-Ковальский

© Сергей Жоголь, 2017

© Альфред Веруш-Ковальский, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1760-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В отношении контрабандного промысла командир отряда должен знать: в каких пунктах и у кого именно на заграничной стороне, особенно вблизи границы, находятся склады контрабандных товаров, постоянные или временные; какой товар лежит на складах, в каком количестве; кому этот товар принадлежит; из каких наших селений приходят за этим товаром; кто руководит проносом...

из «Инструкции чинов Отдельного Корпуса Приграничной Стражи».

Утв. 7 декабря 1912

С-Пб. 1912 г.

Глава первая

которая начинается с прочтения прекрасных стихов, а заканчивается ужасной прозой

Снег под колёсами хрустел, повозка покачивалась, скрепя старыми рессорами. Из дымки выплывали всё новые и новые барашки облаков, а позёмка так и кружила над подсохшим разнотравьем, не успевшим поникнуть и спрятаться под первым октябрьским снежком.

Пристяжная, молоденькая гнедая кобылка, порой бежала медленно, почти не натягивая постромок, за это кучер Фролка то и дело охаживал её кнутом и ругался бранными словами. Потом, как бы опомнившись, начинал быстро-быстро креститься, прося прощения у господ за своё неуместное сквернословье.

Когда Фролка не бранился и не воздавал мольбы, он напевал унылую песню о милой, о горькой судьбинушке, да о добром и верном коне. А ещё кучер то и дело чихал, сморкался в поношенную и истёртую до дыр рукавицу, ругал свою хворь и непутёвую жёнку Лукерью за то, что та наемни постирала его рубаху и порты. Постирала поутру, а Фролке нужно было срочно идти до соседа. Из-за глупой бабы пришлось надевать одежду непросохшей, и вот результат: именно из-за неё, из-за Лукерьи, Фролка, по его словам, и подхватил эту проклятую простуду. А ему нынче болезни не к месту, у него вон ещё сколько намечено важных дел на нынешний вечер.

Какие у Фрола были запланированы дела, Алёша не знал, но судя по сизому носу и отёкшим глазкам возницы, все свои вечера он проводил в ближайшем придорожном шинке. И Алёша был уверен, что его внезапная простуда и сегодня этому не помешает. Возница в дражном тулупе и лаптях с первой минуты их знакомства Алёше не показался, но выбора не было, никто кроме этого плюгавенького забулдыги не пожелал ехать на станцию на ночь глядя.

При других обстоятельствах ситуация могла бы позабавить молодого путника, но сегодня Алёшу всё только раздражало: матерящийся Фролка с его непутевой жёнкой, его фальшивое пение, но, больше всего, то и дело залетающий за полог снег. Алёша злился, кутался в воротник, раз за разом, снимал с руки перчатку, чтобы послушать палец и перевернуть ещё одну страничку Софьиного подарка – потрёпанного и затёртого до дыр томика Верлёна¹. Снежинки падали, Алёша прикрывал рукой страницы, стараясь уберечь их от непрошеной и коварной влаги.

То, что полковник Потанин – мужчина суровый, Софья сказывала не раз, поэтому просила не торопиться. «Папеньку надобно подготовить, – советовала она, – выбрать момент, когда он в настроении, и тогда уже просить родительского благословения...», но Алёша как обычно поспешил.

Он покинул столицу, приехал сюда, заявился к Софьиному отцу и тут же получил отказ, причём в довольно грубоватой форме. Дочери полковника нужен в мужья не мальчишка, напавший на себя военную форму без должного подгону, а зрелый и самостоятельный мужчина, способный трезво мыслить и обеспечивать семью.

«Да... не нужно было так спешить», – ругал себя Алёша.

Говорила же Софья, что нужно подготовиться, но единственное, что он сделал, чтобы произвести хорошее впечатление на бывалого вояку, это то, что всю дорогу изучал сакральную французскую поэзию.

Данила Георгиевич Потанин, по словам Софьи, являлся страстным поклонником Поля Мари, поэтому Алёша постоянно перечитывал вручённую ему книжицу. Он буквально затёр

¹ Поль Мари Верлён (1844—1896) – французский поэт, один из основоположников литературного импрессионизма и символизма.

книжку до дыр, но, увы, блеснуть знанием любимых стихов предполагаемого тестя, Алёше не довелось. Его аудиенция закончилась гораздо раньше, чем предполагалось.

Сейчас, когда беседа с отцом Софьи уже состоялась, продолжать чтение, уже не было смысла, однако Алёша вчитался. Его удивляло, что полковник Потанин, этот провинциальный солдафон, мог должным образом оценить такую тонкую поэзию. Алексей читал и клевал носом, всякий раз вздрагивал, особенно тогда, когда Фолка, напевая, в очередной раз брал фальшивую ноту.

Алексей был голоден, разочарован, его знобило.

Не подхватить бы заразу от этого неужённого возницы, скорее бы уж доехать и в поезд.

– Ох, туды ж твою растудыть! – вдруг заорал Фролка и натянул вожжу. Пристяжная заржала и шарахнулась, повозку повело, и они едва не слетели в кювет. – Похоже, приехали, барин. Ой, беды бы не было.

Алёша быстро захлопнул книжку и, привстав, вытянул шею.

– Чего там?

– И спонадобилось тебе, ваш бродь, на вокзал этот ехать, поезд же только поутру придёт. Меня вон целковеньким соблазнил, а я дурак и попёрся. А ведь больше никто не сподобился – все отказались. Один я, дурья моя башка, поехал, о-о-ох... граница тут у нас – места уж больно беспокойные.

– Ладно тебе. Ты как будто привидение увидел?

– Уж лучше бы привидение. Вон они катят, чертяки, барахлишко своё везут.

– Везут? Барахлишко? Какое-такое барахлишко?

– А неважно какое, важно откель.

– Ну и откель... тьфу ты. То есть откуда?

– Откуда-откуда... знамо дело из Пруссии.

Сквозь пелену снежного тумана показалась вереница возков, явно гружёных и катящихся неспешно. Возницы на козлах сидели, скрючившись, спереди и сзади ехали конные, человек пять – видимо охрана. То, что на границе без сопровождения не ездят, Софья сказывала не раз. Алёша откинулся назад, потянулся.

– Эка невидаль, обозники едут. Знаешь, сколько я таких видел, пока до ваших краёв добрался.

– Ага... видел. Это у вас, в вашем Петербурге, купчины – людишки мирные, а у нас... – Фролка перекрестился. – Ты, ваш бродь, коль пристанут, особо рта не раззявь. Я сам с ними погутарю. Говори если что, мол, к родственнику в Гавриловку ездил. А ты, зачем, кстати туда ездил? Так ведь и не сказал.

– Зачем еду, то не твоё дело. Не твоё, и тем более не этих. По делам ездил и всё тут, – насутился Алексей и откинулся назад.

– Не хочешь, не говори. Только раз мне не сказал, то и этим не сказывай, хотя... они ведь по-другому спросить могут. Так поспрошают, что хошь не хошь, а отвечать придётся. Ой, – Фролка снова перекрестился, – помоги боженька, чтоб не пристали.

Фролка потянул вожжи, гикнул, и повозка неспешно покатила вперёд.

Прежде чем поравняться с обозом, Фролка съехал в кювет, уступая дорогу.

Алёша с интересом разглядывал подводы. Он насчитал семь парных упряжек, каждая из которых везла наполненную доверху телегу, закрытую сверху брезентом. Поравнявшись с Фролкиными лошадами, первый возница дёрнул вожжи и громко крикнул:

– Тпр-р-у!

Остальные повозки тоже остановились. От обоза отъехали двое, подъехали ближе.

– Говорил же, не проедут они мимо. Ну, пособи, господи, не дай сгинуть, – пробурчал Фролка, стягивая с головы шапку.

– Кого везёшь, бедолага? – крикнул первый из подъехавших и соскочил с коня.

Чернявый, лет сорока пяти, крупный нос и глазки навывкате. Усов и бороды нет, подбородок гладкий, как у девицы, зато баки пушатся, как у известного поэта Пушкина. Пальтишко распахнуто, видать не из мерзлячих, сам в косоворотке да суконном пиджачке английского покроя. На голове картуз с высоким околышем, на носу пенсне, какие носят многие чиновники в Питере. Однако образ столичного чинуши тут же улетучился, как только Алёша увидел в левой руке незнакомца обрѣз.

– Барина вот везу, до Гавриловки. Из самого Питера они-с. Так-то, – проверещал Фрол, шмыгая носом и косясь на обрѣз.

– Да я вижу, что барина, а не свинью на опорос. А ну, давай-ка на него посмотрим... на твоего барина. Из Питера, говоришь, а куда, зачем?

Спутник чернявого тоже спешил и подошёл к повозке.

Это был светловолосый мужчина с аккуратной стрижкой и подкрученными усами. Он был одет в приталенный френч, перетянутый портупеей, смотрел на Фролку надменно и строго. Алёшу, сидящего в повозке, незнакомец будто бы и не замечал. Узкие штаны незнакомца были заправлены в добротные яловые сапоги, кожаную фуражку с чёрным козырьком он натянул на лоб, пониже бровей. Голова у мужчины то и дело склонялась на бок. Хоть и гражданский, а важный, что тот генерал, – явно бывший вояка.

Алёше он почему-то сразу напомнил поручика Игнатова – их курсового офицера. Тот был жуткий уставник и зануда. Он перенёс контузию, отчего голова у него всё время подёргивалась, так же как и у этого. В училище Игнатова не любили, поэтому и этот светловолосый сразу же вызвал у Алёшки неприязнь.

Окинув Алёшу с головы до ног, светловолосый сказал:

– Не из наших. Поехали, Семён. Бог с ними пусть едут. Некогда нам с каждым встречным знакомства заводить. Хозяин до ночи быть велел.

– Погоди. Две-три минуты нам с тобой погоды не сделают, а вот ежели этот барин на заставу заявится и разболтает, что да как? – процедил чернявый. – Так вы, значитца, из столицы, и как там погодка?

– Как обычно моросит... и ветерок, – так же ехидно ответил Алёша. – Раз уж вы, милостивый государь, решили мне допрос учинить, могли бы и для начала представиться. Или у вас здесь такое не принято?

Чернявый рассмеялся.

– Поглядите как, мальчик видимо не совсем понял, во что встрял. Думает он не на Пруском кордоне, а в модном салуне, в Питере. Ты глянь на него, Миша. Судя по шинельке и шеврбончику, юнкерок. И какой бравый – истинный золотопогонник.

– Ты бы золотопогонников не трогал, – огрызнулся светловолосый.

– Да, ладно тебе обижаться. Ты же теперь вроде не из них... нашенский.

– Юнкер Чернышов, Владимирское училище. Слышали наверное? – представился Алёша и посмотрел на светловолосого.

– Бывшее Санкт-Петербургское пехотное, как же не слышал, слышал, – кивнул тот хмуро. – Звать-то тебя как, юнкер Чернышов?

– Алёша... Алексей Максимович.

– Так вот, плохи твои дела, братец Алёшка, – процедил чернявый. – Ой, плохи.

– Чем же они плохи? – Алёша сдерживал возмущение. Судя по тому, как струхнул Фролка, с этими бандюгами и впрямь лучше не связываться.

– А тем, что не там и не в то время ты оказался. Отвечай быстро куда едешь и зачем! И быстро отвечай, как в училище учили!

Командный тон чернявого почему-то вывел Алёшу из себя. Чего это он тут раскомандовался?

– Ничего я вам больше говорить не стану! Что вы себе позволяете? Если не прекратите сейчас же, я буду жаловаться.

Чернявый резко ударил Алёшу в грудь, и тот рухнул, ударившись головой о дужку повозки. Тут же вскочил, глубоко задышал, но, бросится на обидчика, не посмел. Дуло обреза смотрело Алёшке прямо в грудь. Чернявый оскалился:

– Не рыпайся, милоч, а то душу из тебя вышибу. – Фролка же рухнул на колени и заголосил. Чернявый замахнулся на Фролку, тот сразу же умолк. – А мальчишечка с гонором. Глянь, Мишаня, как весь надулся. Гордый, точно вельможный пан.

– Да какой он пан? Так, мелюзга подзаборная, – усмехнулся светловолосый.

Алёша сердито надул губы, но промолчал. Ладно, мы ещё выясним, кто тут мелюзга.

– Не тот пан, на ком бархатный жупан, а тот, у кого обрез да наган, – прошипел чернявый и похлопал себя по висящей на поясе кобурё. – Давай вещички его проверим, раз говорить не желает, сами всё выясним.

Он вытащил из повозки Алёшин саквояж и вывалил его содержимое прямо на снег. Алёша не верил своим глазам. Что же такое твориться?

– Да как... да как вы смеете?

Теперь Алёшу ударил светловолосый, ударил в лицо. Свет на мгновение померк.

Через какое-то время Алёша пришёл в себя уже на земле. Вокруг были разбросаны его вещи: рубашки, полотенца, пара сменного белья. Сладковатый вкус крови щекотал язык. Светловолосый снял с руки перчатку и потирал ушибленные костяшки. От обиды Алёша прикусил губу, слёзы наворачивались на глаза. Его ещё ни разу так не били – не били по лицу. Алёша смотрел на светловолосого с ненавистью: «Негодяй... подбнок... А ведь бывший офицер. Да за такое...»

– Остынь, салабон, иль мало тебе? – чернявый держал в руках пачку Алёшкиных бумаг. – «Чернышов... Вторая рота...», не соврал малой. Что у нас тут ещё? Послание? Так-так, поглядим.

К своему ужасу Алёша понял, что это Софьино письмо, которое он так и не вручил её чванливому папаше.

– Дай сюда – это личное!

– А ну-ка... – светловолосый протянул руку, но чернявый оттолкнул её и прочитал вслух:

– «Д. Г. Потанину, лично в руки». Ух ты, вот так птицу мы поймали, – мужчина разорвал конверт и быстро просмотрел содержимое письма. – Знаешь, Миша, кто этот парнишка? Будущий Потанинский зять. Это письмо от дочери, где она рекомендует папёнке своего жениха. Значит ты, мил человек, свататься к нам приехал? И не к кому-нибудь, а к самому Даниле Георгиевичу? Ну и ну. – Чернявый передёрнул затвор обреза. – Нельзя их отпускать. Ну что, прямо здесь завалим, или в лесок сведём?

Фролка снова заголосил, подполз на коленках к чернявому и обхватил его за ноги.

– Побойся бога, мил человек! А меня-то за что! Я ж так, подвёз его просто. За целковый. Семья у меня: жена, дети малые. Не губи, молчать буду как рыба, ни слова не скажу, – Фролка быстро-быстро крестился.

Чернявый ударил мужичка коленом в лицо и навёл на него обрез.

– погоди, Семён, – остановил приятеля светловолосый. – Не надо здесь шуметь. Тут деревня недалеко, мало ли кто по этим кустам может шарить. Кончить их мы всегда успеем, а лишний шум нам ни к чему. Да и не одни мы. – Он оглядел быстрым взглядом повозки. Большинство возниц делали вид, что смотрят в другую сторону, но были и такие, кто глазел на творившееся в овражке с интересом и без особого страха.

– Я за своих людишек ручаюсь, болтать не станут, – сказал чернявый и достал из-за голенища сапога финский нож. – А если шуму лишнего опасешься, можно и по-тихому.

Алёша чувствовал, как сердце выпрыгивает из груди. Вот так и съездил за благословением, просватал любимую. Да неужели всё это происходит на самом деле. Фролка валялся на грязном подтаявшем снегу, из его носа хлестала кровь. Бедолага стонал и ревел навзрыд, по-бабы, чернявый подскочил и ухватил Фролку за ворот.

– Стоять! Не тронь его, негодяй! – заорал Алёша.

В этот момент светловолосый ударил Лёшу снова, потом ещё и ещё. Теперь он бил без перчатки, голова Алёши дёргалась, точно мячик. Слезы и кровь смешались на щеках. Было больно, но Алёшку душила не боль, а обида.

Когда светловолосый остановился, чернявый хохотнул.

– Зачем было так мордовать? Чтобы труп не опознали?

– Сказал же, не будем их убивать, пусть Юргис решает, как с ними быть. Потанинский зять – это тебе не мужик-голодранец с Алфёрьевки или Корчухи, за него и выторговать что-то можно будет, если вдруг что пойдёт не так.

– У нас всё пойдёт так... так, как надо... пойдёт, как по маслу. Уж я тебе в этом ручаюсь.

– Сказал, не будем убивать, – значит, не будем!

Чернявый сжал кулаки, но, при этом, вдруг улыбнулся.

– Чересчур ты у нас рассудительный, Михайло Григорич. Ладно... убедил, пусть пока живут. У нас ведь ты за безопасность груза отвечаешь. А я кто? Шáвка мелкая, вроде пуделя. – Чернявый захохотал, потом ухватил Фролку за шиворот и подтащил к повозке. – Садись, дурила, и пристраивайся в конец обоза и юнкерка своего не забудь. С нами поедете, а если что не так... Не взыщи, пристрелю.

– Нет уж, пусть Сиплый их везёт, – светловолосый махнул рукой, от обоза отделились двое дюжих мужиков в потрепанных кафтанах и треухах. – Связать этих, и Сиплого сюда. На козлы, а ты... – он строго посмотрел на чернявого, – прав. Я за безопасность груза отвечаю, поэтому решать мне.

Чернявый замахал руками и отвесил всё ещё стоящему на коленях Фролке оплеуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.